

АЛЕКСЕЙ БОРОВОЙ И ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ (ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НИЦШЕАНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

П. В. Рябов

Аннотация. В статье проводится анализ влияния философии Ф. Ницше на формирование анархизма Алексея Борового (1875–1935), который соединил идеи Ницше с романтизмом, марксизмом и бергсонизмом. В статье использованы неопубликованные мемуары и статьи Борового.

Ключевые слова: «философия жизни», романтизм, марксизм, иррационализм, анархизм, свобода, личность, индивидуализм.

Summary. The article analyzes how Nietzsche's philosophy influenced the development of Alexey Borovoy's anarchism (1875–1935) who connected the ideas of Nietzsche with romanticism, marxism and bergsonism. The author uses some unpublished memoires and articles by Borovoy.

Key words: «philosophy of life», romanticism, marxism, irrationalism, anarchism, freedom, personality, individualism.

Влияние Фридриха Ницше на русскую культуру начала XX в. было огромным и разнообразным. Сегодня оно активно изучается многими исследователями [см., напр., 8, с. 118–142 или 12, с. 52–80]. Множество ипостасей и аспектов ницшеанства причудливо отразились в философских концепциях Льва Шестова и Дмитрия Мережковского, Вячеслава Иванова и Николая Бердяева, Василия Розанова и Семена Франка, в «дионисийских» мотивах «нового религиозного сознания», в попытках создания «ницшеанского марксизма», в музыке Александра Скрябина, в живописи

Михаила Врубеля, в поэтических творениях Николая Гумилева, в рассказах и повестях Леонида Андреева, Бориса Савинкова, Максима Горького, в бульварных романах Петра Боборыкина – это лишь вершина айсберга русского ницшеанства первого десятилетия XX в. При этом в ницшевской оптике воспринималось творчество самых разных мыслителей – темы «Ницше и Достоевский» (в их чрезмерном сближении), «Ницше и Толстой» (в их нарочитом противопоставлении) или «Ницше и Штирнер»¹ стали общим местом для русской культуры тех лет.

¹ Причем Штирнер воспринимался, как «ницшеанец сороковых годов» – так называлась даже книга о нем [см. 11]; писали и о русском штирнерианстве начала XX в. [см. 8, с. 142–146]; были и попытки назначить кандидата на вакансию «русского Ницше» (например, в лице Александра Герцена, Константина Леонтьева или Василия Розанова).

Как отмечает известная исследовательница русского ницшеанства Ю. В. Синеокая: «Творчество Ницше оставило столь глубокий след в отечественной интеллектуальной истории, что правомерно говорить об особом пласте отечественной культуры – “золотом веке российской ницшеанщины”, охватывающем последнюю декаду XIX в. и полтора десятилетия между началом XX столетия и Первой мировой войной» [12, с. 53], поскольку философия Ницше стала «ключом к культурному коду новой духовной парадигмы начала XX столетия – века модерна» (там же).

При этом, по свидетельству Ю. В. Синеокой, в России этих лет «В силу специфического социокультурного контекста еще задолго до социалистической революции Ницше был воспринят как защитник левых идей – союзник русского освободительного движения, проповедник революционного нигилизма, “мистического анархизма”, экстатического сектанства и духовного универсализма» [там же, с. 168]. Его творчество высоко оценивали и народник Николай Михайловский, и марксисты Максим Горький, Александр Богданов и Лев Троцкий.

К духовному опыту Ницше естественным образом обратились и многие теоретики российского анархизма посткропоткинских периода, стремившиеся обновить мировоззренческие основания анархизма, преодолев догмы рационализма, прогрессизма и сциентизма, связав анархизм с ницшеанской критикой культуры, персонализмом, бунтарством, воспеванием стихийности и обличением мещанства и «холодного чудовища» Государства. Такие анархические мыслители, как В. А. Поссе,

Д. И. Новомирский, А. Н. Андреев или основатель популярного в среде художественной богемы «мистического анархизма» Г. И. Чулков, черпали вдохновение в творчестве «несовременного мыслителя», чьи гениальные прозрения в ту эпоху чрезмерно сближались со штирнерианством [о соотношении идей Макса Штирнера и Фридриха Ницше подробнее см. 10, с. 113–114]. Не избежал увлечения ницшеанством и наиболее значительный анархический философ России первой трети XX в., выдающийся ученый, оратор, педагог и общественный деятель Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) [см., напр.: 10, с. 295–304; 9].

Будучи мыслителем-эрудитом, широко впитывающим разнообразные влияния и стремящимся к созданию анархического мировоззренческого синтеза, к тому же за сорок лет проделавшим сложную идейную эволюцию, Алексей Алексеевич Боровой испытал сначала решающее воздействие со стороны марксизма (в 1890-е г.), а позднее – со стороны учений Макса Штирнера, Михаила Бакунина, Анри Бергсона, Жоржа Сореля и Федора Достоевского. Хотя пылкое увлечение ницшеанством было у него недолгим (и приходилось на период от начала разочарования в марксизме в 1902 г. до осознания себя анархистом осенью 1904 г. в Париже), однако, во-первых, пережитый им благодаря сочинениям Ницше духовный опыт оказался весьма важным в плане самоосознания и «революционизации» его мысли, подготовив его к принятию анархизма, во-вторых, этот опыт в последующей духовной эволюции оставался весьма важной составляющей. «Ницше и Маркс», «Ницше и Штирнер», «Ниц-

ше и Бергсон», «Ницше и романтизм», «Ницше и Достоевский» – вот основные линии сопоставления, через которые мыслилось и переживалось ницшеанство русским анархистом.

Исследование влияния идей Ницше на Алексея Бороваго поможет заполнить еще одну лауну в осмыслении русского ницшеанства начала XX в. и лучше понять мировоззренческие искания крупнейшего представителя философии русского постклассического анархизма на его пути от (догматического) марксизма и (неотрефлексированного) романтизма к анархически истолкованному бергсонизму. Эта тема раскрывается как в ряде опубликованных книг А. А. Бороваго (в частности в работах «Революционное мирозерцание» и «Анархизм»), так и, в особенности, в его все еще неопубликованных рукописях (в первую очередь, в монументальных мемуарах «Моя жизнь», написанных в конце жизни, в ссылке в 1929–1935 гг., а также в различных заметках и набросках начала 1930-х гг.). В этой статье мною не только впервые рассматривается обозначенная тема, но и вводятся в научный оборот интересные (как памятники мысли и человеческие свидетельства) материалы из фонда А. А. Бороваго в РГАЛИ (чем, полагаю, оправдывается обширное цитирование).

Творчество Ницше Алексей Алексеевич впервые всерьез открыл для себя в 1902 г. Это был период наиболее глубокого внутреннего кризиса мыслителя за всю его жизнь: пошатнулась его, доселе почти религиозная, вера в марксизм (его одолевали сомнения, начинали вызывать несогласие как отдельные постулаты марксизма, так и его экономический детерминизм, сциентизм и прогрессистский

фатализм), усиливалось недовольство самим собой, надоели нелады в семейной жизни (и связанные с нею оковы обывательской рутины), крепло желание изменить свою устоявшуюся жизнь, четче определить и выявить собственное мировоззрение, найти свое место в жизни, в идейной и общественной борьбе. Спустя тридцать лет мемуарист вспоминал о том тяжелом для себя времени: «Я переживал самую тяжелую пору моего существования. Знакомый с Шопенгауэром, а из вторых рук и с Гартманом, я, однако, не был увлечен выводами пессимистической философии. В моей природе не было отзвуков ей. Да и ее практическое прекраснотушье казалось подозрительным. (...)

Внезапно, как будто, нашел мою “веру”. В 1902 г. вышел сборник “Проблемы идеализма” (...) в “Сборнике” была статья Франка о Ницше и она открыла мне его. Доселе я читал Заратустру в неважном, сокращенном русском переводе и не оценил его. Теперь я (...) был совершенно потрясен. У Ницше вычитал я оправдание бившему во мне, не взирая на марксистскую оболочку, ключу индивидуализма. А его пафос, несравненная виртуозность изложения говорили с необычной силой моему артистическому чувству.

Ницше, действительно, произвел во мне переоценку ценностей. Все чтимое дотоле – упало. Марксизм лежал в обломках. Необозримые горизонты открылись передо мной. Но я был одинок, бессилён. Я все ломал, но ничего не умел строить. Теоретический плен и практическая беспомощность!

Мое нравственное состояние было ужасно. Я переживал глубочайший духовный кризис. Мозг искал решений

и не находил их. Интимная “практика” – домашняя жизнь, светское окружение – стали постылы. Я чувствовал отвращение к себе, к своим поступкам, метался по пустому, я погибал. (...) Впервые и единственный раз в моей жизни встала передо мной мысль о самоубийстве» [2, с. 78–80].

В этом откровенном признании характерно все: и то, чем Ницше пленил Борового (созвучие романтическому мироощущению, максимализмом, осознанием глубокого неблагополучия в современной культуре, музыкой и пафосом слова, освобождением от старых догм), и то, чем он не удовлетворил его: отсутствием практических ответов на поставленные вопросы, неудовлетворительностью (для Борового) социальных выводов из философии ницшеанства.

Книги Ницше разрушили в душе Борового чары марксизма, отозвались в ней романтическими отголосками, радикализировали его сознание, усилили недовольство окружающим обществом и той мещанской жизнью, в которую все более погружался молодой и «успешный» приват-доцент юридического факультета Московского Университета, подвели его к принятию анархизма во время заграничной командировки 1903–1905 гг.: «Париж был местом, где я нашел – силу, прочное мировоззрение, осмысленную радость» [2, с. 81]. В Париже душевные раны Борового были исцелены, мысли о самоубийстве покинули его, его анархическое мировоззрение окончательно оформилось, он получил огромный заряд сил, энергии и вдохновения и начал свою общественную деятельность.

Однако Ницше навсегда остался одним из любимейших его писателей.

В набросках к мемуарам, рассказывая о своих литературных пристрастиях, Алексей Боровой пишет, между прочим: «Кого я любил в эту эпоху из иностранных писателей? (...) В немецкой литературе был для меня только один писатель, но он один стоил для меня целой литературы – Ф. Ницше. Он был для меня разом – философом, поэтом, человеком» [4, с. 12–13]. В своих сочинениях Боровой демонстрирует прекрасное знание (в подлиннике) главных трудов Ницше, часто цитирует его, весьма тонко понимает немецкого мыслителя (протестуя против схематизма и упрощения, столь характерных для «вульгарных ницшеанцев» или оппонентов ницшеанства), восхищается бесстрашным пафосом, революционностью и музыкальностью творений Ницше и вместе с тем – указывает на неоднозначность и противоречивость его мысли. Полностью принимая «вопросы» Ницше и во многом разделяя его мироощущение, Боровой не соглашался с его «ответами» (пройдя сложный путь: от критического принятия ницшеанства в 1902–1903 гг. к ожесточенной полемике с ним в 1910–1930-е гг.).

В главе воспоминаний «Как я стал анархистом» Боровой, осмысливая задним числом «внутренние» и «внешние» факторы, приведшие его от марксизма к анархизму в 1902–1904 гг., в ряду мыслителей, в это время воздействовавших на него (наряду с Достоевским, Пушкиным, Руссо и Гете), называет и Ницше, так резюмируя достоинства и недостатки ницшеанства и его влияние на свое становление в качестве анархического мыслителя:

«В этой плеяде имен никто более Ницше не революционизировал моего сознания.

Силой, красотой своей фантазии, несравненной музыкой своих писаний он бросил мне в мятущиеся годы такое откровение, которое – и пережитые давно – хранят отзвуки доселе.

Я, марксист, мыслил ли тогда диалектически? Понимал ли, что Ницше есть совершеннейшее выражение воинствующего индивидуализма, которое дала империалистическая культура?

Конечно, да! Я мог это осмыслить. Но чувство и музыка были сильнее. И в романтическом пафосе Ницше прозвучали для меня ноты, роднившие его не только с Руссо, но и мыслителем, бывшим эпохой в моем самосознании – Марксом.

Разве Ницше – эпохи “переоценки ценностей” – не повторил вслед за Руссо мысли о низвержении всех ценностей культуры и низвержении самой культуры? Разве не призвал он вновь к инстинкту? Как бы ни были различны их исторические экскурсы и аргументы, какая бы пропасть не лежала между сентиментальными пасторалями Руссо и “аристократическим радикализмом” Ницше – их бунт один: против падающей, разлагающейся культуры. То, что Руссо для обеспечения блага большинства предлагает деспотическое государство, а Ницше для обеспечения блага меньшинства – воинствующий олигархат, дела не меняет. В разрушении они – союзники. Только Ницше – более великий, более культурный музыкант, чем Руссо.

Как бы ни были принципиально различны первоначальные истоки мысли, принципиально противоположны философско-исторические построения, принципиально враждебны практические выводы – одно роднит антиподные философско-социальные системы – марксизм и ницшеанство –

актуализм, курс на то, чтобы “переделать” мир. (...) Чуждый историзма, понимания закона классовой борьбы – самую культуру делает он актом произвола провиденциальных людей... Но пафос созидания, отвращение только к созерцательно-объяснительной деятельности, жажда практики – дышат революционным романтизмом. Этот пафос захватил меня, как только я коснулся Ницше” [3, с. 23–24].

Так, сводя на очной ставке ницшеанство и марксизм, русский мыслитель указывает как на их общие черты («актуализм», развенчание «фетишизм», революционный пафос, критику существующего миропорядка, призыв к действию; о созвучии идей Маркса, Ницше и Штирнера см.: 7), так и на различия, высвечивающие достоинства и недостатки друг друга: ницшеанство помогло Боровому преодолеть марксистский догматизм, фатализм, сциентизм и детерминизм (обратив внимание на полноту иррациональной «Жизни»), а марксизм позволил ему не увлечься ницшевским аристократизмом и «абсолютным индивидуализмом». Будучи на протяжении всей жизни романтиком по своему мироощущению, но при этом человеком жизнелюбивым и оптимистическим (трагическое чувство жизни начнет овладевать им лишь в последние годы, открыв новые духовные горизонты, прямоком устремляющие к экзистенциализму), Боровой не мог не прийти к «философии жизни», органично выросшей из романтической культуры. При этом он, естественно, равнодушно прошел мимо шопенгауэровского и гартмановского философского пессимизма, ненадолго увлекся «героическим оптимизмом»

Ницше и окончательно нашел «себя» и «свое» в жизнеутверждающей философии Бергсона.

Интересен этот конфликт идей и настроений в душе Борового в 1902–1903 гг.: конфликт между идущим «от головы» марксистским социализмом и рационализмом и идущим «от сердца» ницшеанским индивидуализмом и волюнтаризмом. (Впрочем, противоречия Боровой считал неотъемлемым атрибутом жизни и подлинности.) Услышав в творении Ницше близкое себе – проповедь антирационализма, актуализма и индивидуализма – Боровой, как мыслитель-поэт, чутко впитывал и принимал в ницшеанстве «свое», близкое (сочетая его с аналогичными настроениями руссоизма и марксизма), облекая затем в слова, творчески развивая, интегрируя и отбрасывая чужое. За словами он слышал «музыку» чувства и мысли, умело отделяя ее от поверхностных или неприемлемых «измов».

При всей важности для Алексея Борового встречи с философией Ницше ее недостаточность ощущалась им уже в 1902–1903 гг. Эта встреча была важна для мыслителя на его пути от юношеского романтизма и марксизма к зрелой, прорефлексированной и продуманной «философии жизни» (прежде всего, в образе бергсонизма) и самоосознанию себя в качестве анархиста. Таким образом, «ортодоксальным ницшеанцем» (если таковые вообще возможны) Боровой не был никогда.

Но и уйдя от страстного увлечения философией Ницше и все более критически относясь к ней, Боровой сохранял огромный интерес к идеям и темам великого немецкого мыслителя, сводя его на очной ставке с други-

ми важными для себя философами: Бергсоном, Штирнером, Бакуниным и Достоевским.

В одной из своих ранних анархических книг – «Революционное миро-созерцание. (Нравственность и целесообразность в политике)» (1907) он часто ссылается на Ницше в своей пылкой проповеди бескомпромиссного максимализма, атаках на мещанство и приспособленчество, в обосновании революционного разрыва с гнетущей логикой «существующего».

Значительное место занимает ницшеанство в главном произведении Борового эпохи Великой Российской революции 1917–1921 гг. – книге «Анархизм». Критика рационализма в «философии жизни» в этой книге представлена прежде всего более близким Боровому учением Бергсона, тогда как учение Ницше вместе с учением Штирнера подвергается подробной критике в контексте полемики Борового (отбросившего крайности собственного юношеского штирнерианского анархо-индивидуализма 1904–1906 гг.) против «абсолютного индивидуализма» [см.: 1, с. 13–18].

Почтительно оговорившись, что: «О Ницше и особенно “системе” Ницше надлежит, впрочем, говорить с чрезвычайной осторожностью, дабы “упрощениями” и “стилизацией” не исказить подлинного Ницше. В замыслах его – исключительно глубоких, сложных и художественно-значительных – легко открыть любое “миросозерцание” и найти любое “противоречие”» [1, с. 15], Алексей Алексеевич специально подчеркивает, что он в данной книге не дает «общей характеристики учений Ницше», но лишь указывает «на неизбежность морального тупика для неограниченного индиви-

дуализма, поскольку он имеет место у Ницше» (там же). Русский анархист рассматривает Ницше, наряду со Штирнером, как наиболее яркого представителя философии «абсолютного индивидуализма».

Боровой констатирует глубокую двусмысленность лозунга Ницше о «преодолении человека» и вытекающую из этой двусмысленности неизбежную противоречивость его мысли. Отметив, что у него «Истинным и единственным критерием нравственности – является сама жизнь, жизнь, как стихийный биологический процесс с торжеством разрушительных инстинктов, беспощадным попираем слабые сильными, с категорическим отрицанием общечеловечности» (там же), Боровой противопоставляет концепции сверхчеловека у Э. Ренана (в человеке вытравливается «зверь», подавляется жизнь, происходит «гипертрофия мозга, гипертрофия рассудочного начала, апофеоза учености» [там же, с. 16] и у Ф. Ницше, который, напротив, «стремился убить в сверхчеловеке все “человеческое” – упразднить в нем проблемы религии, морали, общечеловечности, выявить “зверя”, побить рассудок инстинктом, вернуть человеку здоровье и силы, потерянные в рационалистических туманах» [там же] – в общем, чрезмерно биологизировать человека, игнорируя его социальность и духовность. Но эта позиция приводит к апологии рабства, аморализма, солипсизма, ставя, по убеждению Боровой, мысль Ницше «перед зияющими противоречиями. Вместо сильного, этически безразличного “белокурого зверя” мы видим тоскливо мечущееся обреченное человеческое су-

щество, готовое на жертвы, мечтающее о смерти-победе, как о желанном конце» (там же).

Обращает на себя внимание герменевтика Боровой, сочетающая внутреннюю критику ницшеанства с бережным отношением к исканиям Ницше, отказывающаяся от однозначных оценок (проклятий или воспеваний), подчеркивающая множественность возможных интерпретаций мысли Ницше и умеющая за эпатажем внешних фраз Ницше увидеть внутреннюю правду.

Сочувственно приведя известные слова Заратустры о необходимости самопревосхождения человека и о «любви к дальнему», русский мыслитель-анархист констатирует: «В этих словах – основа революционного мирозерцания. Любовь к дальнему и будущему, “любовь к вещам” – высшая мораль творца, перерастающие желания сегодняшних людей, отвергающие уступки времени и исторической обстановке. (...) В этом трагическом стремлении к гибели заключен высший возможный для человека нравственный подвиг, это – не штирнеровское “проматывание” жизни. Но как согласить это вдохновенное учение с стремлением вымести из человека все “человеческое”!» [там же, с. 17]. Для воинствующего антропоцентриста Боровой последнее стремление звучит почти кощунственно.

Но мало этого, отмечает он: «И другое неизбежное противоречие – между отвращением к стадности и жаждой быть учителем и пророком раздирает учение философа» (там же). Сочувствуя глубинным истокам и устремлениям ницшевской мысли, Боровой тем сильнее раскрывает вопиющую противоречивость ее выво-

дов: «Начать с гордых утверждений полного самоудовлетворения в одиночестве и кончить школой, любовным подвигом, трагической гибелью и трусливым бегством из жизни. Разве это не целая последовательная гамма разочарований...

Штирнерианство – бесплодное блуждание в дебрях опустошенной личности, ницшеанство – скорбный клик героического пессимизма» [там же, с. 17–18].

Противопоставляя свой анархизм (одновременно персоналистический и социалистический) «солипсизму» и «упразднению всего социального» в штирнерианстве и ницшеанстве, Алексей Боровой говорит о необходимости для анархической мысли не отрывать личность от общества и не растворять ее в нем, а искать их совместной свободы, не мириться ни с каким рабством, властью, иерархией, раскрывать социальное измерение свободы, неведомое «абсолютному индивидуализму», отождествляющему свободу с индивидуальным произволом или самоизоляцией. Подытоживая в этой книге сравнение «абсолютного индивидуализма» Штирнера и Ницше со своим пониманием анархизма, Боровой провозглашает: «Первый – есть настроение свободолюбивой личности, ни к чему ее не обязывающее и потому – по существу – безответственное. Второй – социальная деятельность, строящаяся на исповедовании определенных принципов и влекущая для каждого деятеля моральную ответственность.

Первый ведет к установлению власти, усилению гнета, второй несет в себе подлинно освобождающий смысл. Первый предполагает освобождение единиц за счет обществен-

ности, второй освобождает личность через свободную общественность.

Наконец, чистый индивидуализм, (...) антиномичен, то есть внутренне противоречив и неизбежно ведет к самоотрицанию» [там же, с. 20–21].

Это неоднозначное и неравнодушное осмысление ницшеанской мысли Боровой продолжал углублять до конца жизни. Среди его рукописей начала 1930-х гг. (периода ссылки в Вятку и во Владимир), посвященных разработке анархического мировоззрения, находим и размышления о ницшеанской философии. Отмежевывая собственное анархическое мировоззрение в его отношении к личности от штирнерианства и ницшеанства и указывая на «Огромн(ую) засл(угу) абс(олютного) ин(ди)в(идуали)зма», Алексей Алексеевич далее писал:

«А(нархизм) – не абсол(ютный) инд(и)в(и)д(уали)зм. Не солипсизм.

1) Не штирн(е)р(иан)ство – пожирание. Право в силе – внешн(ей) грубой. Проц(есс) потребл(ения), разлож(ения) мира. “Самоуслаж(ение)”. Игра без целей. Но это – призраки, фантомы – не люди.

2) Не ницшеанство –

А) Своеобр(аз)ие личности.

В) Призр(ак) Будущ(ей) Вел(икой) Револ(юции).

Но и Заратустра: 1) Хочу учить. 2) Кошмары ночи с мысл(ью) о самоуб(ий)стве. Тоска. Отказ от общ(ественных) пробл(ем).

Самодов(ол)ьная лич(ность). Сверхчелов(ек). Стадн(ое) нач(ало). Рабская мораль. Победы для побед. Жажда самоуничт(ожения). Пресыщ(ение) мудростью. Самообольщ(ение)» [5, с. 1].

Однако, ожесточенно оспаривая то, в чем он видел главный изъян и не-

правду философии Ницше – проповедь “абсолютного индивидуализма”, в эти же годы Боровой продолжал разделять волюнтаризм, бунтарский персонализм и трагическое чувство жизни, присущие философии великого немецкого мыслителя. В ряде набросков под названиями “Культура”, “Мораль”, “Этика”, “К вопросу об анархической морали», написанных в начале 1930-х гг., «Боровой по-прежнему, вполне в духе идей и настроений Ницше, отстаивал понимание культуры не как застывшей данности, совокупности догм и норм, но как динамичного жизненного процесса постоянного преодоления “фетишизмов”, творческого разрушения-созидания, субъектом которого является человеческая личность. Например, он подчеркивал: “Здесь же торж(ест)во волюнтаризма над интеллектуализмом, рационализмом”» (там же, с. 50). И совсем в духе вдохновенного автора «Заратустры»: «Свободн(ая) творч(еская) филос(офия) – предпол(агает) пр(ежде) вс(его) своб(одного) челов(ека), следов(ательно) сов(ершенно) освобожд(ает) от соц(иального) фет(и)ш(и)зма, как(ого бы) то ни было рода.

Быть до конца самим собой, ничем и никем – вне и кроме себя» [там же, с. 57]. Этому сокровенному завету Ницше Боровой оставался верен до конца.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боровой А. А.* Анархизм. – М., 2009.
2. *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. Глава IV. Мой брак и начало самостоятельной жизни. – РГАЛИ. – Ф. 1023. – Оп. 1. – Д. 165.
3. *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом. – РГАЛИ. – Ф. 1023. – Оп. 1. – Д. 167.
4. *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. Черновые наброски и главы, исключенные автором из рукописи. – РГАЛИ. – Ф. 1023. – Оп. 1. – Д. 172.
5. *Боровой А. А.* /Об анархизме/. Материалы к статьям. Заметки, выписки, конспекты. – РГАЛИ. – Ф. 1023. – Оп. 1. – Д. 145.
6. *Боровой А. А.* Революционное мирозерцание. (Нравственность и целесообразность в политике). – М., 1907.
7. *Левит К.* От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. – СПб., 2002.
8. *Новиков А. И.* Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. – Л., 1972.
9. *Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // *Боровой А. А.* Анархизм. – М., 2009.
10. *Рябов П. В.* Философия классического анархизма. (Проблема личности). – М., 2007.
11. *Саводник В. Ф.* Ницшеанец 40-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма. – М., 1902.
12. *Синеокая Ю. В.* Три образа Ницше в русской культуре. – М., 2008. ■